

ЗВЕЗДА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза
советских
писателей

4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1938

ЛЕНИНГРАД

Т Р И Б У Н А

ОБ УЧЕБНИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

УЧЕБНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ НАРОДНОЙ КНИГОЙ

По существующим программам Наркомпроса систематический курс истории литературы начинается за пределами неполной средней школы. Для 6—7 классов вовсе нет учебников. Занятия по литературе здесь начинают с изучения Пушкина. Учащиеся, оканчивающие неполную среднюю школу, не имеют целостного, отчетливого представления о литературе: вместо живого ее развития — ряд разрозненных фактов, имен и названий, где смещены соотношения и масштабы.

Такое построение программ несет на себе отпечаток реакционных влияний. С одной стороны, оно следует традиции дореволюционной школы, в которой изучение литературы отодвигалось к самым старшим классам и всячески ограничивалось. С другой стороны, программа Наркомпроса по литературе содержит пережитки пресловутой „комплексности“, разрушавшей систематическое изложение предмета. Программы по литературе не свободны и от педологических извращений, так как построены на характерном для педологии недоверии к силам и возможностям учащихся.

То положение, которое имеется сейчас в деле преподавания литературы, существовало долгие годы в деле преподавания гражданской истории. Ныне, как известно, систематический элементарный курс истории народов СССР — после соответствующих решений ЦК

ВКП(б) и Совнаркома — начинается с 3-го класса начальной школы.

Чем раньше учащиеся пройдут общий курс литературы, тем плодотворнее будет дальнейшее углубленное ее изучение, и тем успешнее будет повышаться общий культурный уровень учащихся. В первую очередь нашей школе нужен элементарный курс литературы народов СССР — курс, который в живой, занимательной форме излагал бы важнейшие события и факты в их хронологической последовательности и в связи с фактами гражданской истории и явлениями развития мировой литературы.

Существующие учебники по литературе содержат, главным образом, пересказы биографий писателей, пересказы их произведений, пересказы литературоведческих исследований и критических работ. Учебники изобилуют вульгарно-социологическими дефинициями. Изложение тяжелое, неудобоваримое. Существующие учебники превращаются в преграду между художественной литературой и учащимися. Авторы учебников словно стремятся превратить школьников в скучных литературных начетчиков. Из такой затеи не получается ничего кроме вреда.

Элементарный курс литературы должен ставить перед собой совсем иные цели. Вовлекая учащихся в мир художественной литературы, он помогает правильному восприятию явлений ис-

куства, воспитывает художественный вкус. Он способствует развитию живого интереса к литературе, помогает представить весь путь развития литературы народов СССР в связи с их гражданской историей, а также в связи с развитием литературы мировой.

Не преуменьшая трудности этой задачи, следует признать, что она вполне разрешима. Об этом говорит опыт создания учебника истории, где популярно изложен не менее трудный и сложный материал.

Элементарный учебник литературы народов СССР явится не только кни-

гой для школ. Он должен стать народной книгой, рассказывающей о наших богатствах в этой области. Учебник должен знакомить с литературой народов СССР, подобно тому как книга „Наша родина“ знакомит с естественными богатствами страны и достижениями в социалистическом строительстве.

На-ряду с изданием учебника необходимо подготовить школьные выпуски произведений классической и советской литературы в виде небольших сборников и брошюр, по плану, целиком соответствующему плану учебника.

СОЗДАТЬ ТРИ УЧЕБНИКА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Ученик нашей средней школы до сих пор не имеет не только хороших, но даже и удовлетворительных учебников ни по русской, ни по мировой литературе, ни по литературе народов СССР.

Созданию хороших учебников, кроме причин частных — торопливость издательств и авторов и т. п., препятствовал ряд причин общего характера.

Прежде всего — программная лихорадка, которая многократно поражала соответственные руководящие органы НКП. В программном отношении и до сих пор дело обстоит не вполне благополучно. У педагога средней школы нет точных представлений о том несократимом минимуме памятников литературы, знание которых школа должна дать ученику.

Поступающий в высшую школу вчерашний ученик средней школы плохо знает русскую литературу. Если у него еще есть кое-какие разрозненные сведения по литературе XIX века, то он не знает нашего более далекого литературного прошлого, не знает богатого фольклорного наследия русского народа, мало начитан в современной литературе. Еще хуже обстоит дело с мировой литературой и литературой народов СССР. Ему ничего не говорят имена Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Шевченко, Руставели и др. Даже самый вопрос о пределах и путях ознакомления учащихся средней школы с памятниками мировой литературы, знание которых обязательно для всякого образованного человека нашей родины, до сих пор не поставлен программами и школьными планами во весь его рост.

Правда, эта причина не может и не должна быть непреодолимым препят-

ствием. Хороший учебник, удовлетворительно разрешивший задачу отбора материала, сам явится и программой.

Вторая причина — методологическая путаница в понимании принципов и задач изучения и преподавания литературы. Извращение принципов марксизма — ленинизма в деле изучения литературы, в сильной степени находим в программах и объяснительных записках НКП. Посильную дань отдали наркомпросовские программы и формализму, и различным изводам литературоведческого меньшевизма, и вулгарному социологизму. Объявляли — вслед за М. Н. Покровским — художественную литературу простым иллюстрированным приложением к обществоведению и т. д. Само собой разумеется, что все эти программы неправильно ориентировали составителей учебников и издательства. И в учебной продукции наших издательств по художественной литературе мы имеем, вполне естественно, рекордные „достижения“ по выпуску вреднейшего хлама, который подлежит абсолютному уничтожению, так как „исправить“ его совершенно невозможно.

И эта причина в настоящее время уже не может служить серьезным препятствием к созданию хороших учебников. Руководящими указаниями партии определены и значение, и задачи, и принципы школьного преподавания литературы. И составители учебников должны только перевести эти указания на конкретный язык школьной работы.

Задача создания хорошего учебника по литературе имеет свои специфические особенности и трудности. Вель основная его задача не только и не

столько в том, чтобы сообщить определенный, хорошо организованный комплекс фактов! Его задача — сообщив определенное количество фактов, пробудить живой интерес и горячую любовь к литературе как к искусству слова, к народу, ее создавшему, приучить к толковому чтению, воспитать литературный вкус, живое ощущение прекрасного русского языка. Его задача — не только учить: он должен и воспитывать в школьнике гражданина нашей великой социалистической родины, ибо воспитательные возможности художественной литературы неизмеримы.

Нужно создать три основных учебника по литературе.

Первый учебник — книга для классного и внеклассного (обязательного) чтения учащихся III и IV классов. Ее содержание — тщательно подобранные художественные тексты. В конце книги — словарь, поясняющий непонятные термины и выражения, а также перечень авторов, произведения которых даны в книге, с указанием дат рождения и смерти, а также национальности (языка, на котором произведение написано, если оно дано в переводе). В самом тексте минимальное количество вопросов и заданий, организующих осмысленное освоение произведений. Иллюстрации желательны, но только в том случае, если они художественно ценны, созвучны тексту и технически выполнены безукоризненно. В своей деловой простоте книга должна быть изящной; опечатки, хотя бы с исправлениями на вкладных листах, недопустимы совершенно.

Второй учебник — книга очерков по литературе. Он организован в единое целое как элементарный курс теории литературы. Концентрируя внимание на художественных произведениях XIX и XX веков, книга очерков знакомит учащихся с литературой Союза и произведениями европейских и внеевропейских стран.

Третий учебник — систематический курс истории русской литературы, изучение которой должно начинаться не

с VIII, а с VII класса. К нему два дополнительных выпуска. Первый — очерки по истории мировой литературы. Он организован в целое не тем ограниченным материалом, который дан в программе, а задачами построения общего элементарного курса истории европейской литературы. И учебником он будет только в программных отделах, а в остальном — книгой для чтения и справок учащихся. Второй дополнительный выпуск — обобщающий очерк теории литературной науки, включающий в себе тексты классиков марксизма.

Наряду с учебниками учащимся школы должны быть предоставлены в достаточном количестве художественные тексты, притом тексты не только в объеме тех именно произведений автора, которые указаны в программе, но со включением и других, которые могли бы служить дополнительными материалами для чтения и также для „изучения“ заинтересовавшегося ученику. Необходимо издание ряда „школьных“ собраний сочинений классиков и современных авторов, например Пушкина, Гоголя, Горького, Щедрина, Маяковского и др.

Нужно обеспечить пособиями и педагога-словесника, положение которого, особенно работающего в провинции, вне больших культурных центров, часто совершенно трагическое. Я имею в виду не только пособия в тесном смысле слова — методические руководства по вопросам преподавания литературы, примерные разработки школьных тем и т. д., но и разного рода справочники, которых у педагога-словесника нет.

Задача создания библиотеки педагога-словесника — не менее насущная задача, чем создание лучших учебников для учащихся. Мы упираемся в задачу создания кабинета литературы для каждой школы. И вне достаточно удовлетворительного разрешения этой задачи никакая, самая идеальная, программа по литературе не даст тех результатов, которых в праве требовать от школы советская общественность.

ВОСПИТАТЬ ЛЮБОВЬ К ЛИТЕРАТУРЕ

Доказывать неудовлетворительность существующих учебников по литературе значит ломиться в открытую дверь; вряд ли найдется кто-либо (в том числе и авторы учебников), кто взял бы на себя защиту этих учебников. Они неудовлетворительны во всех отношениях: сообщаемый в них материал совершенно недостаточен, а иногда прямо убог; освещение материала неправильно и, несмотря на отдельные поправки в новых изданиях, проникнуто духом вульгарного социологизма; язык тяжел и сер, труден и скучен и никак не может ни содействовать развитию любви к литературе, ни служить для учащихся образцом правильной литературной речи.

Об этом не может быть и спора. Основной вопрос однако заключается не в этой отрицательной оценке прежних учебников, а в разрешении практической и весьма актуальной задачи — необходимо вывести школу из трудного положения и дать ей хороший (или хотя бы достаточно удовлетворительный) учебник. Штопанием старых учебников вряд ли возможно достигнуть положительных результатов, нужно создать новый учебник. Каким же должен быть этот новый учебник и как создать его?

Основные задачи учебника понятны, и сформулировать их можно весьма просто: учащиеся должны знать литературу, понимать литературу и любить ее; учебник должен помочь им в этом.

Круг сведений, даваемых в учебнике, должен быть достаточно обширным. Нельзя довольствоваться биографиями писателей и так называемой характеристикой отдельных (хотя бы и важнейших) произведений. Кратко, но четко

должны быть даны сведения историко-культурного и историко-литературного характера (о состоянии и характере образования, о роли книги, о цензуре, о журналистике и критике, о литературных течениях и литературной борьбе, о важнейших фактах истории искусств и пр.). Эти сведения должны подкрепляться документальными данными: выдержками из мемуаров, цитатами из журнальных статей, цитатами из литературных произведений. В биографических очерках важно отметить и подчеркнуть те факты, которые имели значение для творческого развития писателя, не превращая эти биографические очерки в послужные списки или анкетные справки. Характеристику творчества не следует ограничивать только программными произведениями; ее нужно строить на более широком материале. Важно подчеркнуть то, что сближает данного писателя с другими (предшественниками и современниками), и то, что составляет его индивидуальные особенности. Особо следует оговорить важность анализа произведений. К сожалению, на практике (и в старых учебниках) историко-литературный и художественный анализ нередко подменяется пересказом содержания.

Само собой разумеется, что изложение фактических сведений не должно быть простой регистрацией фактов или летописным перечислением их. Необходимо дать учащимся понимание литературы, свободное от вульгарного социологизма и от формализма, понимание значения литературы как истинного фактора познания и воспитания, понимание ценности литературного наследия, понимание эстетических до-

стойств изучаемых произведений. Без этого невозможно привить любовь к литературе.

Учебник должен быть написан хорошим, четким и правильным языком и достаточно живо. Однако нельзя придавать изложению беллетристический характер (в духе, например, биографических очерков писателей в детских журналах и вообще в детских изданиях); учебник должен быть именно учебником, а не книгой для чтения (вопрос о создании книги или книг для чтения по литературе может быть поставлен особо). Он должен давать сумму фактических, проверенных знаний — преимущественно для повторения, для закрепления того, что получено на уроках. То, что вполне уместно в живом рассказе учителя, не должно иметь места в учебнике.

Учебник вообще не должен заменять собой учителя и его живое слово. Это общее требование ко всем учебникам. Специфическая особенность учебника по литературе заключается в том, что учебник не должен также заменять знакомства учащегося непосредственно с литературным материалом. Совершенно нетерпимо, когда учащиеся говорят о произведениях, не зная самих произведений.

С этим связана труднейшая методическая задача при создании учебника. Занятия по литературе не могут огра-

ничиваться сообщением учащимся готовых сведений; они должны также научить школьников работать над произведением, производить анализ, самостоятельно добывать выводы (конечно, лишь в доступном школьнику масштабе). Разрешению этой задачи должен содействовать и учебник. Сообщая учащимся результаты анализа, он должен быть построен так, чтобы не отнимать у них необходимости самостоятельной работы и даже более того — стимулировать эту работу. Как этого добиться, вопрос большой, требующий специального обсуждения; но обдумать и учесть эту проблему совершенно необходимо.

Для создания учебника был бы полезен принцип кооперирования сил научных работников-литературоведов, педагогов-практиков и писателей: первые должны обеспечить достаточно высокий научно-теоретический уровень учебника, вторые позаботятся о методической стороне, третьи — о достаточной литературности изложения. Конечно, это не означает, что учебник непременно должен создаваться бригадой и притом многочисленной, организационные формы могут быть найдены различные. Автором учебника может оказаться и одно лицо, но и проспект учебника и написанный уже учебник должны быть подвергнуты достаточно широкому и внимательному обсуждению.

КНИГИ, МЕШАЮЩИЕ РАБОТАТЬ

Вопрос об учебниках по литературе и вопрос о программе для нас, преподавателей, пожалуй уже несколько лет является самым злободневным и острым, ибо мы больше всего страдаем от этих учебников. Учебники по литературе находятся сейчас на очень низкой степени культуры.

Каковы же самые существенные недостатки наших учебников?

В начале нынешнего учебного года школьники получили подарок от партии и правительства — „Краткий курс истории народов СССР“, под редакцией проф. Шестакова. С чувством глубокой радости встретили наши дети этот учебник, последовательно излагающий героическую историю народов СССР. Новый учебник по истории значительно облегчит и работу преподавателей литературы. Но в то же время учителя литературы не могут не испытывать некоторую зависть к историкам, которые получили такой замечательный учебник.

Стабильные учебники по литературе, утвержденные прежним руководством Наркомпроса для учащихся VIII—IX и X классов, не только не помогают преподавать историю русской литературы, но чаще всего мешают этой работе. Все учебники для VIII—IX и X классов как методологически, так и по содержанию и стилю не выдерживают никакой критики. Существующие учебники не пробуждают любви к художественной литературе; больше того — они убивают всякие проблески интереса к искусству.

Преподаватели литературы неоднократно заявляли Наркомпросу о непригодности учебников по литературе, но голос учителей не был услышан.

Даже последнее издание программ (1937) не дает связного, логически-последовательного исторического курса русской литературы для учащихся VIII—IX и X классов. Программа носит „лоскутный“ характер.

Изучение литературы по этой программе не дает учащимся, оканчивающим среднюю школу, представления даже о главнейших этапах блестящего развития литературы народов СССР. Следовательно, историческим курсом он называется по недоразумению.

В VIII классе курс начинается с устного творчества народов СССР, причем из всех видов богатейшего творчества народов СССР программа включает для изучения в VIII классе только две былины: „Об Илье Муромце“ и „О Добрыне Никитиче“. Все же остальные жанры и виды устного народного творчества совсем не упоминаются в программе. Учебник VIII класса, слепо следуя программе, также не упоминает совсем о других видах устного творчества. Прекрасные сказки и легенды, трогательные и нежные лирические песни, остроумные пословицы как будто у нас совсем и не существуют. Об истории устного народного творчества нет в учебнике ни единой строки.

Вслед за былинами в VIII классе изучается „Слово о полку Игореве“. Ознакомившись с ним, учащиеся совершают головокружительный прыжок из XI века прямо в XVIII век. При этом зачастую у них возникает впечатление, что между XI и XVIII веком русской литературы совсем не существовало. Дальнейшее построение курса литературы также несовершенно. Рассматриваются не отдельные явления

шие этапы развития русской литературы, а совершаются прыжки от одного писателя к другому; учащиеся не получают никакого представления о преемственности литературных направлений. Поэтому учащиеся старших классов с исключительной легкостью перемещают писателя из одного века в другой, делают современниками писателей различных исторических эпох. Так, иногда учащиеся спрашивают о том, как Белинский отзывался о творчестве Толстого, и при этом недоумевают, почему он, то есть Белинский, внимательно следивший за всеми крупнейшими литературными явлениями своего времени, „прозевал“ такой могучий и оригинальный талант.

Отсюда нетрудно сделать поучительный вывод, что нельзя, рассказывая о Гоголе, о его литературной деятельности, обойти вниманием общее состояние русской литературы в 30-е и 40-е годы XIX века, нельзя не упомянуть хотя бы кратко о главнейших литературных течениях 30-х и 40-х годов, о писателях, творивших в эти годы, о писателях, сыгравших немаловажную роль в подготовке той литературной школы, которую возглавил Н. В. Гоголь. Нельзя говорить о деятельности Гоголя, не упомянув о том, что в эти годы работал „неистовый Виссарий“.

На дальнейших этапах исторического курса литературы читатель найдет те же досаднейшие пробелы. По правде говоря, курса-то никакого нет. Есть писатели, расположенные согласно исторической и хронологической канве.

Попытки Абрамовича, Брайниной и Еголина дать в начале учебника для учащихся IX классов характеристику главнейшим литературным течениям 60-х, 70-х и 80-х годов XIX века явно неудачны. Эти очерки, которыми открывается книга, написаны настолько сухо, схематично и односторонне, что никакого представления о живой и яркой истории литературной борьбы этих лет учащиеся получить не могут. В очерках дается сухой перечень имен писателей и литературных дат. Вся многообразная и плодотворная деятельность наших великих критиков — Чернышевского и Добролюбова — вы-

пала из очерков. О них говорится преимущественно как о вождях шестидесятников, а что они имели крупнейшее влияние на литературу этих лет, что они были вождями нового литературного направления и что каждая критическая статья Добролюбова была крупным событием не только для писателей, но и для всей революционной молодежи пятидесятих и начала шестидесятых годов, об этом не сказано ни слова. О жизни и деятельности Добролюбова в учебнике не упомянуто. Читая главы о Белинском и Чернышевском, испытываешь смертную тоску. А кажется, какой благодарнейший материал для воспитания юношества заключен в изумительной жизни и деятельности этих людей.

„Клочкообразно“ построен курс литературы в учебниках Абрамовича и Головенченко для учащихся VIII классов, Абрамовича, Брайниной и Еголина для учащихся IX классов, Поляк и Тагера для учащихся X классов.

Великая мощь героической русской литературы выразилась в смелой борьбе за счастье народа, в борьбе за светлые идеалы человечества, против всех угнетателей, притеснителей народа, против всех и всяческих эксплуататоров. Всем известно, что лучшие представители нашей литературы были всегда носителями передовых идей своей эпохи, и большинство из них пало жертвой произвола и жестокости самодержавно-крепостнического строя.

На эти особенности русской литературы указывали Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, М. Горький, Ленин, Жданов (в своей речи на Первом Всесоюзном съезде писателей).

По выражению В. М. Молотова:

„По силе своего влияния на русскую литературу Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время“.¹

Значит, великие писатели и классики были сынами народа и выразителями его чаяний.

К сожалению, этой мысли о героичности русской литературы на ее различных этапах развития, о глубокой

¹ Ц.О. „Правда“, 21 июня 1936 г.

народности ее мы в учебниках не найдем. Только в изданиях 1937 года есть несколько весьма неубедительных строчек о народности Пушкина и Гоголя в главах, посвященных разбору их творчества. О героичности же русской литературы в целом вовсе не упоминается. Между тем, это должно быть, по нашему мнению, одной из главных идей учебника по истории русской литературы.

Все учебники страдают необыкновенным схематизмом и вульгарностью при разборе лучших образцов русской литературы. Авторы очерков так обедняют художественное произведение, что человек, случайно взявший учебник и не прочитавший художественного произведения, может сделать вывод, что русская литература однообразна, бедна и скучна.

Например, чудовищно искажено „Горе от ума“. Написано о нем таким тяжелым, сухим, убийственно-однообразным, бюрократическим языком, что не всякий отважится дочитать до конца.

С точки зрения языка и стиля все учебники по литературе для VIII—IX и X классов средней школы не выдерживают даже снисходительной критики. Они написаны таким „суконым“, лженаучным, а порой и совсем безграмотным языком, что удивляешься тому, что такие учебники могут быть допущены в качестве пособий для учащихся. Вот выборочно некоторые образцы языковой неряшливости:

„Изложение фабулы подчинено здесь этим отстоявшимся формулам и композиционной схеме, в основе которой лежит развитие сюжета от устрашающего гиперболического описания врага к торжеству над ним богатыря-героя“.

Эту безграмотную болтовню должен разбирать учащийся VIII класса, и авторы хотят, чтобы после этого ученик любил былины!

Или новые языковые перлы:

„Вместе с тем, само описание (в былине) состоит из ряда готовых постоянных элементов, в том числе эпитет Идолища — „поганое“ является постоянным эпитетом“.

В построении отдельных глав и

очерков господствует утомительный и скучнейший трафарет. Все они начинаются по одному шаблону: такой-то писатель, имя рек, родился тогда-то и там-то. Кстати заметим, что во всех учебниках нет ни одной ярко написанной биографии. Они напоминают не очерки жизни и деятельности писателя, а бухгалтерскую схему дат и фактов.

Так же скучно, вяло, бесстрастно, будто составляя опись инвентаря, разбирают авторы все, даже гениальнейшие произведения русской литературы. Словно боясь они живой мысли, боясь того, как бы их не заподозрили в искренней любви к писателю. Кажется, что авторы рассматривают не живое произведение искусства, полное страстей, глубоких человеческих переживаний, а мертвое тело, над которым производится очередной эксперимент бесстрастными исследователями.

Для примера можете взять любую главу из любого учебника. Возьмите, например, разбор гениальных произведений русской литературы „Преступление и наказание“ и „Анна Каренина“. Каким холодом, бюрократизмом веет от этих разборов.

„Главные персонажи „Анны Карениной“ — или светские аристократы, или поместно-усадебные дворяне, или, наконец, представители той части дворянства, которая в условиях успешного развития капитализма резко деградировала и должна была искать себе новой жизненной базы, жертвовать многими традициями своего класса“.

Там же вы найдете и „разложение“, и „специфически-аристократическую муть“, и целый ряд других „перлов“. Я мог бы подобные примеры приводить до бесконечности, ибо у меня выписано их, вероятно, штук сто.

В сущности говоря, преподаватель литературы, который по-настоящему любит ее, в редких случаях обращается к учебнику, и поступает правильно, так как по такому учебнику преподавать литературу совершенно невозможно. Хочется надеяться, что в скором времени у нас появятся новые учебники, потому что этика преподаваться совершенно нельзя.

НЕПРИГОДНОЕ ПОСОБИЕ

Учебник, который правильно, хорошо и научно излагал бы материал, является для нас идеалом.

Лежащий передо мной учебник для VIII классов, конечно, совсем не принадлежит к такого типа учебникам.

Просматривая ту часть, где дается так называемая общая характеристика эпохи, — удивляешься: когда этот учебник написан и почему он без изменений переиздан в 1937 году?

Крупнейшие русские писатели здесь так обруганы всякими эпитетами: „либералами“ и „консерваторами“, и „не вскрывавшими всяких противоречий в жизни“, что приходится только удивляться.

При этом вступительные статьи писал один человек, а другие главы писал другой. В результате во вступительной главе говорится, что реализма у Тургенева нет, что он дает неверное, искаженное изображение действительности, а дальше говорится о том, что Тургенев — художник-реалист.

Теперь о характере изложения. Меня смущает, что в литературоведческих кругах не придерживаются элементарных педагогических правил. Например, первое педагогическое правило: если вы употребляете неизвестное для ребят слово, то его необходимо объяснить. Это правило явно не выдерживается. Так оказывается, что „Записки охотника“ обязаны своим появлением не чему иному, как разговорам Тургенева со Станкевичем. Станкевич для ребят — имя новое. Так объясните же, кто это Станкевич! Или, скажем, говорится о материализме Чернышевского. Составители учебников считают, что учащиеся знают о Фейербахе и потому можно сравнивать материализм Черны-

шевского с материализмом Фейербаха, не излагая последнего.

Когда мы спрашиваем ребят или проверяем у студентов конспекты, то нас бесконечно раздражают такие выражения: „все писатели дают „яркий язык“, „яркие образы“ и „яркие эпитеты“. Неумение подобрать слова, характеризующие манеру и творчество писателя, точно так же характерно для текста учебника. Здесь каждый писатель изображает действительность „ярко“: Толстой — ярко, Салтыков — ярко, Чернышевский — ярко, Чехов — ярко и т. д. Других выражений нет.

Самое трудное — дать краткую характеристику какого-нибудь художественного образа. Даже такие педагоги, как скажем Шалыгин, зачастую лишь давали ряд изумительно-тонко и доступно подобранных примеров, на которых предлагали ребятам самим почувствовать, что перед ними действительно художественное произведение. Составители наших учебников по этому пути не идут. Они пытаются найти свои слова, которые не всегда подходящи.

Иногда с точки зрения педагогической этот подбор слов доходит почти до пошлости. Вот, например, что говорится об Анне Карениной:

„В чем же трагическая вина этой прелестной женщины, обаятельного плена которой даже по отношению к самому себе автор не может скрыть от читателя?“

И таких примеров очень много. А ведь четкость, ясность, культура языка для учебника — это первое дело.

Поэтому на меня этот учебник производит впечатление страшно-небрежно, быстро набросанной книжки, которая для целей преподавания совершенно непригодна.

ВУЛЬГАРИЗАТОРЫ

Преподавание истории русской литературы в средней школе страдает многими существенными недостатками — по этому вопросу не может быть различных мнений. Неблагополучие это не раз отмечалось советской общественностью и печатью, но положение с годами меняется очень незначительно. Унылая схема, шаблон, равнодушие слишком часто встречаются на уроках литературы, детям не прививается любовь к художественному слову, чувство гордости величайшими ценностями, созданными гениальными писателями прошлого. При неумелом и небрежном анализе пропадает впечатление от лучших книг русской литературы, теряется и бесследно исчезает их несравненное обаяние. Замечательные образы тускнеют, разнообразие действительной жизни подменяется надуманными формулами. И если все же наши дети любят художественную литературу, знают лучших писателей и порой сами пишут замечательные вещи, то это происходит вопреки вульгаризаторам из учебных канцелярий, „поставляющим“ школьникам сведения о русской литературе.

Все это достаточно известно, о школьных учебниках много писалось, недостатки их отмечались порой самым педантичным образом, но дело до сих пор никак не исправлено. Школьники попрежнему пользуются плохими учебниками и повторяют их неверные утверждения. Программа не изменяется, время на изучение литературы не увеличено и, например, в 8-м классе все так же держится на цифре два часа в шестидневку. Расширение программы по Пушкину относилось только к юбилейному году, и то было рассчитано на внешкольные, кружковые занятия.

Нельзя забывать, что художественная литература и родной язык, наряду с математикой и физикой, „являются фундаментом для всякого образования и сколько-нибудь серьезной грамотности вообще. Кроме того, литература в школе может и должна служить могучим средством воспитания характеров подрастающих поколений, воспитания у них художественного вкуса, любви и преданности родине“ (из передовой „Правды“, 8 августа 1936 года).

Именно с этой точки зрения не выдерживают критики наши учебники. Они не развивают вкус, не способствуют воспитанию чувства родины, не говоря уже об их минимальной научной ценности. Попробуйте прочесть или просмотреть несколько школьных учебников! В каких мрачных разоблачительных тонах освещена в них история русской литературы, как принижены гениальные писатели! Порой кажется, что мы не только не можем гордиться своей литературой, но должны испытывать некий стыд от обилия классово-ограниченных, неприятно-деловитых и своекорыстных писателей, без устали заботившихся об интересах привилегированных классов. Понятно поэтому, что дети не любят своих учебников и умоляют педагогов не заставлять их „читать по книжке“.

Особенно неблагоприятно обстоит дело с построением связанного курса истории литературы для старших 8, 9, 10-го классов средней школы. Последние главы в учебнике для 7-го класса заняты современной литературой. Учебник для 8-го класса (Г. Абрамович и Ф. Головенченко) открывается „Словом о полку Игореве“ и заканчивается Гончаровым. Но начинать со „Слова“ нельзя — неизбежно приходится делать обшир-

ное вступление о более раннем периоде возникновения русской литературы, о национальных ее корнях и византийско-болгарских влияниях. Учебник обходит эти вопросы, а преподаватель не может без них объяснить „Слово“.

Вслед за „Словом“ идут былины, а затем Державин. В промежутках на нескольких страницах пегита изложена многовековая история литературы. Все вместе взятое выглядит очень несерьезно. Добросовестный и умный педагог одному ему известными средствами сумеет выкроить время и раскрыть перед детьми этот „петит“, но учитель, придерживающийся учебника, не сумеет дать детям никакого представления о ходе литературного процесса и оставит для них Державина скучным и непонятым поэтом.

„Былины“ расположены совершенно не на месте. Устное творчество стоит в программе 5-го класса, в 6-м и 7-м его нет, а в 8-м появляются былины. Собственно говоря, множественное число тут излишне: речь идет только об одной былине „Илья Муромец и идолище“. Этого безусловно мало. Нельзя обойтись без былин об Илье и Соловье-разбойнике, о Садко, о Микуле Селяниновиче и других произведений героического народного эпоса.

Былины творил народ, отражавший в них свою историю, и в этом заключается неистребимая сила их художественных образов. Сколько ни твердят авторы учебника об „однообразии былин“ и „гиперболичности Ильи“, о том, что все былины могут быть разложены на слагаемые, одинаковые и постоянно применяющиеся приемы, — им не удастся отвадить детей от народного эпоса. И чуткий преподаватель, идя навстречу бурным требованиям детей, читает с ними несколько былин, — дети сами дочитывают остальные, — открывает красоту народных сказаний не равнодушной инвентаризацией приемов, а горячей речью, проникнутой искренней любовью к произведениям народного творчества. Страшная это способность ученых методистов — убивать разнообразие литературных явлений, их индивидуальные черты, шаблонизировать, выносить за скобки.

Ломоносову в учебнике для 8-го класса

отведено всего два десятка строк. Все же авторы успевают сообщить, что Ломоносов „стал идеологом господствовавшего класса, обнаруживая однако и некоторые влияния буржуазной идеологии. Этим и определяется характер его поэтического творчества“ (стр. 28). Цитаты достаточно, чтобы показать, как неверно трактуется в учебнике гениальный поэт и ученый. Но грандиозную фигуру Ломоносова обойти невозможно. Учащиеся средней школы не могут не узнать его творчества и его биографии. Нуждаются в коренной переделке и расширении главы о Державине, Фонвизине, Радищеве. Литература XVIII века неполна без имен Сумарокова, Крылова, Новикова — они также должны войти в учебник.

Заметим попутно, что отрывочные и не всегда верные сведения, включенные в учебник Абрамовича и Головенченко, изложены подчас таким трудным языком, что с ним справиться в пору какому-нибудь развитому студенту, а никак не восьмикласснику. Термины вводить нужно, против этого спорить нельзя, но вводить их нужно умеренно и, вводя, разъяснять. Невозможно разговаривать со школьником напыщенным псевдоученым языком. Вот как, например, в учебнике для 8-го класса определяется значение „Слова о полку Игореве“: „Место „Слова“ в ряду величайших памятников поэзии обусловлено тем, что оно представляет собой замечательнейший образец героического эпоса — одного из значительнейших жанров поэтического искусства. Этим именно определяется характер художественного воплощения идеи „Слова“, высокий пафос этого произведения, все его эмоционально-идеологическое звучание“ (стр. 8). Читая о „недальновидном эгоизме“ феодальных князей, школьники затрудняются решить, хорошо это или плохо, „какой эгоизм лучше и какой хуже“. Преподавателю литературы постоянно приходится давать специальные объяснения по тексту учебника. Этого можно было бы избежать, если бы учебник не загадывал шарад и держался простого русского языка.

Следует, наконец, понять, что в пятом классе средней школы немыслимо

давать научную историю литературы. Правильнее ограничить задачу проведением объяснительного чтения, чтобы приохотить ребят, помочь развитию художественного вкуса, толкнуть их на самостоятельное чтение. Казалось бы, Крылов в этом отношении является чрезвычайно благодарным объектом, но авторы учебника для 5-го класса, В. Голубков и С. Мирский, поступают с ним очень нехорошо. С первой же строки объявляется, что Крылов был мелким дворянином. Доверие к нему подорвано сразу: дворянин да еще мелкий — вероятно, худшая разновидность? А разве эта сословная принадлежность столь характерна для Крылова, что определяет собой весь характер его творчества? Мы не думаем, что надо „замазывать“ этот факт — Крылов действительно был мелким дворянином, авторы не грешат против истины, хотя цель их не очень привлекательна.

Однако, если говорить о точности, почему Крылову отведена только скромная роль сотрудника в сатирическом журнале „Почта духов“? Известно давно, что он был почти единоличным автором всего издания. Выступления Крылова носили резко выраженный радикально-демократический характер, роль его смелой сатиры была очень существенна. Крылов яростно протестовал против режима крепостнического государства, и авторам учебника надо было отметить этот факт. Неверно также утверждение, что первые басни Крылова появились только в 1806 году. Первые басни „Стыдливый игрок“, „Павлин и соловей“, „Судьбы игроков“ были напечатаны в 1788 году в журнале „Утренние часы“. Школьники могут этого не знать, но составители знать обязаны.

Выбор басен для 5-го класса также имел целью подчеркнуть ограниченность классовых взглядов Крылова. „Отсталость“ великого баснописца старательно подчеркивается еще и через сравнение его с Демьяном Бедным, сделанным в пользу последнего. Неуместное и неумное противопоставление! Возмутительно, что басня „Рыбья пляска“ берется по испорченному под давлением цензуры варианту; подлинный крыловский текст диаметрально противоположен: лев изъясняет благо-

дарность „старосте“, жарившему подвластных ему рыб, идеализации образа монарха в настоящем тексте нет.

Обойдены в учебнике лучшие басни Крылова, известные с детства всем, кому не пришлось пользоваться в школе учебником Голубкова и Мирского: „Демьянова уха“, „Лжец“, „Лебедь, рак и щука“, „Чиж и голубь“. Литературное наследие Крылова представляет огромные возможности выбора, стоит только изменить подход к делу и понять, что ребенок с большим трудом усвоит, что в басне „Листы и корни“ Крылов верными чертами обрисовал дворянство, с его праздностью, паразитизмом и надменно-пренебрежительным отношением к низшим классам“ (стр. 165), и с восторгом выучит на память „Мартышка и очки“.

В учебнике для 5-го класса есть Гюлький, изображенный преимущественно как борец с мешанской средой (соответственно подобраны и отрывки), и рядом с ним Жаров, Неверов и Фурманов, Тургенев и Д. Бедный, Пушкин и Некрасов. И все они поданы на один, невыразимо тоскливый образец. Равнодушие и невнимательность составителей доходят до того, что они забывают раскрыть инициалы Неверова и числят его просто как „А. С.“. Классики, правда, все обозначены по имени-отчеству, но за исключением этой детали уважения к ним никакого не проявлено...

Думается, что и для 6-го класса мудрено построить курс „литературы XIX—XX веков“, как это пытаются сделать, следуя наркомпросовским программам, авторы учебника С. Флоринский и Н. Трифонов. Разнообразное объяснительное чтение художественных произведений с успехом заменило бы для детей данного возраста сомнительные „концепции“ литературного процесса, преподносимые в учебнике, имеющем в основе историческую схему М. Н. Покровского с ее вульгарным экономизмом, недооценкой великого прошлого русского народа и прочими „качествами“. В результате констатация факта: „К началу 40-х годов помещичье хозяйство вышло из кризиса. Цены на хлеб в Западной Европе быстро пошли в гору“ (стр. 83) непо-

средственно связывается с появлением на литературной арене Толстого, Некрасова, Салтыкова.

Что главное — и этот учебник не способен возбудить любви к литературе, а наоборот, может убить имеющийся у детей интерес к ней, представляя писателей в самом непривлекательном виде.

Руководствуясь схемой М. Н. Покровского, обесценивавшей героическую борьбу русского народа за свою независимость, авторы учебника мимоходом компрометируют в глазах учащихся целую историческую эпоху и заодно пренебрежительно третируют Островского. Они не могут, очевидно, представить себе, что борьба против польских интервентов в 1610—1612 годах носила действительно общенародный характер, что именно народ выступил против угнетателей русской земли и победил. Купец Минин был настоящим русским патриотом, сыгравшим исключительно большую роль в то смутное время, и дети с уважением должны произносить его имя. Напрасно также авторы другого учебника, Г. Абрамович и Ф. Головенченко, полагают, что „от нас далек певец русской буржуазии, восторженно сказавший о памятнике Минину: „Там, в виду торговых рядов, на высоком пьедестале, как образец русского патриотизма, стоит великий русский купец Минин“ (стр. 158). Этот Минин, поднимавший народ на защиту разоряемого отечества, близок советским патриотам и не напрасно стоит на Красной площади напротив Кремля. Пример его поучителен, на нем можно воспитывать в детях чувство горячей любви к родине.

„Первородный грех“ учебников — вульгарный социологизм повлек за собой и другую беду — формализм в разборе художественных произведений. Элементы стиля рассматриваются изолированно от мировоззрения писателя, выяснение сущности его творческого метода сводится к перечислению литературных приемов, каталогу метафор, сравнений,

эпитетов. Словесная ткань грубо разрывается на части, куски ее комкаются неловкими руками.

Нельзя обойти также молчанием вопрос о знакомстве школьников с литературой братских народов. В существующие учебники включены только Шевченко и Коцюбинский. Вопрос опять-таки упирается в программы, совершенно исключившие произведения национальных литератур из поля зрения учащихся. Позиция эта абсолютно неверна. Средняя школа обязана познакомить детей с произведениями классических писателей братских народов и с творчеством современных авторов. С каким интересом и пользой, например, провели бы учащиеся с их тягой к героическому эпосу разбор отрывков из поэмы Руставели „Витязь в тигровой шкуре“ или стихов народных поэтов Джамбула и Сулеймана Стальского!

Потребность в пересмотре программ ощущается достаточно остро, и на этом пути лежат средства к улучшению школьных учебников; частичные переделки и изменения формулировок не спасут положения. Нужно отказаться от попытки начинать историю литературы в 6—7-м классе и развернуть в 8—9—10-м классах ее систематическое изложение. Предыдущие годы должны только готовить учащихся, знакомить их с отдельными произведениями, развивать художественный вкус и чутье, приучать к литературной речи.

„Художественная литература имеет огромное познавательное значение. Лучшие произведения классиков и современных писателей должны изучаться в советской школе с достаточной полнотой и тщательностью. Пора закрыть доступ в советскую школу вульгарным социологам и их „теориям“, — писала „Правда“ 8 августа 1936 года. Это требование решает вопрос о существующих школьных учебниках, заполненных социологическими извращениями, и формулирует задачу коренного изменения подхода к художественной литературе в средней школе.